

М. Сафонова

**ДРАМА ПОЛЕВОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ:
ПОДОЗРЕНИЕ В КАЧЕСТВЕ МЕТОДА**

**В.И. Ильин. Драматургия качественного полевого исследования. – СПб.:
Интерсоцис, 2006. — 256 с. («Социополис»: библиотека современного гуманитарного
знания).**

*...в реальной жизни редко кто читает глянцевого журнала от корки до корки,
времени подготовки достаточно для чтения только того, что
в первую очередь привлекло внимание. Если дать времени больше, то,
как в поезде, от безделья может быть прочитан весь журнал,
но это будет нетипичный способ потребления такой продукции.*

***В.И. Ильин. Драматургия
качественного полевого исследования, с. 230***

Взяв в руки новую книгу известного петербургского социолога Владимира Ильина «Драматургия качественного полевого исследования», читатель узнает из аннотации, что книга «является попыткой обобщения опыта полевых исследований, накопленного автором. Систематический и популярный язык позволяет ее использовать в качестве учебного пособия как для начинающих, так и для относительно опытных исследователей». Жанр книги определен автором и издателями: она является учебным пособием. Определена и ее аудитория — это начинающие и относительно опытные исследователи. Как начинающий исследователь, я с большим удовольствием и пользой для себя прочла эту книгу.

Книга построена по вполне традиционному образцу, который встречается в русскоязычных изданиях, посвященных методам социологического исследования и хорошо знакомых отечественной аудитории социологов. Это книги В. Семеновой (Семенова 1998), Е. Ковалева и И. Штейнберга (Ковалев, Штейнберг 1999). В новой книге Владимира Ильина есть необходимые для учебного пособия по методам исследования блоки, примерные названия которых выглядят следующим образом: «Программа исследования», «История методов», «Стратегии исследования» (или «Тактики исследования»), «Наблюдение», «Интервью», «Фокус-группа», «Способы презентации данных».

Единственный отсутствующий раздел, который обычно включается в пособия по качественным методам — это раздел «Анализ документов» (документов, которые не были созданы для исследования и в ходе исследования). Но читатель сможет понять, что такой раздел все же необходим, когда увидит, что в книге существует отдельная глава «Дневники в Интернете». Автор забывает или просто не упоминает о возможности использовать в качестве данных тексты, которые существуют в бумажном виде (например, дневники или письма). Когда читатель только приступает к прочтению, общая структура «Драматургии» и компоновка глав кажется совершенно иной, чем в более ранних отечественных работах. Но традиционное содержание и структура пособия по качественным методам проявляется, как только мы начинаем внимательно и последовательно, от главы к главе, читать книгу.

Если по содержанию традиционные главы не сильно отличаются от подобных им глав в книгах В. Семенов и Е. Ковалева и И. Штейнбрга, то названия глав декорированы словами «сценарий», «спектакль», «декорации» и др., каковые и призваны сделать книгу «Драматургией качественного полевого исследования».

Есть несколько глав, которые отличают «Драматургию качественного полевого исследования» от большинства пособий по качественным методам. Это главы «Концепция социокультурного поля в качественном исследовании», «Общие принципы драматургического подхода в полевом исследовании» и «Жизненный мир информантов». Они заслуживают отдельного внимания. Для начала — прочтем о драматургическом подходе в исследовании, так как от этой главы читатель ждет много — «драматургия» вынесена в заглавие книги.

Подозрение как метод

Представим идеальную ситуацию: перед повторной редактурой, в которой крайне нуждается текст, появилась задача привести содержание аннотации в соответствие с содержанием книги. Аннотацию можно было бы исправить следующим образом: «Исследовательская ситуация рассматривается с точки зрения драматургического подхода. Это значит, что информанты и наблюдаемые люди не просто делятся информацией», они постоянно норовят солгать интервьюеру и/или исследователю и не дать исследователю ответить на поставленный исследовательский вопрос.

Профессор Ильин пишет, что его «драматургический» подход создавался «по мотивам работ И. Гофмана» (с. 50). Однако выяснить, какие именно произведения Ирвинга Гофмана вдохновили автора на создание «Драматургии...» крайне сложно, так как в «Библиографическом списке» можно найти только одну книгу Гофмана, это издание «Анализа фреймов» 1986 г. на английском языке (с. 254). В главе, отведенной «общим принципам драматургического подхода», читатель найдет ссылку на некое издание 2001 г. («И. Гофман (2001)», с. 50), но в «Библиографическом списке» этот источник вдохновения отсутствует. Поэтому понимать, что автор считает «драматургическим» подходом, читателю придется в условиях неполноты информации.

Если читатель, по предложению автора, будет понимать социальное с помощью метафоры театра (с. 50), то «драматургический» подход, который позволит такое понимание, будет описывать мир талантливо играющих,

воспитанных и доброжелательных людей. Совместные усилия этих людей будут направлены на создание спектакля, в котором успешны все исполнители. Маски на исполнителях не случайны, они соотносятся с амплуа актеров, а потому будут крайне интересны исследователю. Этот мир мало похож на тот, в котором действуют герои Владимира Ильина. В мире Ильина два основных героя — исследователь и исследуемый, исследуемый всегда неискренен, потому для исследователя этот мир драматически лжив.

Исследователь, практикующий «драматургический» подход В. Ильина, живет в постоянном страхе быть обманутым. Он боится подвергнуться риску получить искаженную информацию, боится стать жертвой мистификации, боится быть оставленным в дураках информантом. Он знает, что вокруг него постоянно разыгрываются спектакли, которые не соответствуют его, исследователя, целям, и единственное, что ему остается — искать подлинное социальное за масками исполнителей с помощью «драматургического» подхода. А подлинные лица обязательно есть, как есть единственно верные ответы на вопросы исследователя в интервью.

Существуют особые исследовательские техники смотрения, которые могут способствовать выявлению этого подлинного социального. Так, отдельная глава в общей сумме глав, посвященных интервью и наблюдению, отводится «Невербальной коммуникации в полевом исследовании» (с. 190–197). В соответствии с общей логикой «драматургического» подхода как подозрения жесты и позы информанта делятся на две группы. Первая группа — это жесты и позы произвольные, импульсивные, то есть честные. Такие жесты можно считывать и напрямую включать в интерпретацию того, что исследователь видит или слышит. Вторая группа жестов — это жесты театральные, они проигрываются информантом/наблюдаемым сознательно. Интервьюер (исследователь) должен выявлять такие театральные жесты, и стремиться понять, каково подлинное содержание мыслей информанта, такими жестами/позами скрываемое.

Даже так называемые динамические вопросы (автор дает весьма расплывчатое их определение; это вопросы, которые «ориентированы уже на информанта», и нацелены «на поддержание беседы в динамической форме» (с. 199)) должны служить увеличению искренности исследуемого: «Динамизм беседе придает введение в нее *противоречий*... Он [информант — М.С.] понимает, что просто "вешать лапшу на уши" здесь нельзя» (с. 200).

Одним из самых печальных обстоятельств в положении такого исследователя является то, что он не доверяет даже соотечественникам — коллегам по цеху, которые выпустили книги, посвященные качественным методам, за 7–8 лет до появления его книги. Может быть, он не хочет опираться на их работы (и тем самым избегать повторений), так как боится показать беспокойство о своем статусе в сообществе, которое, в соответствии с логикой автора «Драматургии», могло бы «проявляться в огромном количестве сносок» (с. 251). Однако, заботясь о достоверности информации, автор считает приемлемым использовать информацию, полученную в ходе беседы с нетрезвым человеком (с. 180). Видимо, основываясь на народной мудрости («Что у трезвого на уме, у пьяного на языке»), исследователь социальной драмы полагает, что информант, «расслабленный алкоголем» (с. 180), будет более откровенным рассказчиком и менее искусным лжецом.

Ирландское рагу

После прочтения книги «Драматургия качественного полевого исследования» читатель может понять, каким был вкус ирландского рагу, рецепт приготовления которого описал Дж. К. Джером в книге «Трое в лодке, не считая собаки». Ирландское рагу готовится из овощей, холодного мяса и всевозможных остатков. Герои последовательно кладут в блюдо очищенный и неочищенный картофель, кочан капусты, фунтов пять гороху, пару разбитых яиц, полпирога со свининой, кусок холодной вареной грудинки, полбанки консервированной лососины. «Я уже забыл, что мы еще туда положили, но знаю, что ничто не пропало даром», — говорит рассказчик об этом блюде. Под занавес фокстерьер, сопровождавший путешественников, приносит им в качестве ингредиента для рагу дохлую водяную крысу.

«Драматургия качественного исследования», подобно ирландскому рагу, состоит из следующих ингредиентов:

(1) Оригинально трактованный «драматургический подход», диктующий принцип постоянного недоверия к окружающему социальному; исследователь подозревает информантов (или наблюдаемых) в неискренности и желании его обмануть, скрыть подлинное социальное и предъявив свое, конструируемое;

(2) Концепция социокультурного поля. Читаем в «Драматургии»: «...одного драматургического подхода мало. Он должен быть дополнен концепцией социокультурного поля» (с. 50). Концепция нужна автору для того, чтобы новым (собственным) термином обозначать разного рода социальные явления и общности. Спектакли (основной тип социального взаимодействия, по В. Ильину) не могут разворачиваться в вакууме. Для них нужно социальное пространство. Но В. Ильин занимается «социальным сопроматом» (с. 32), и для него пространство — слишком глобальный предмет для изучения. Такой предмет по силам тем исследователям, которые занимаются социальным теоремом или строймехом. Поэтому пространство лучше поделить на социокультурные поля, и изучать свойства этих социокультурных полей, как инженеры изучают свойства кирпича или железобетона. Социокультурным полем могут быть самого разного рода явления: от суверенного государства, такого, как Российская Федерация, до футбольного матча в этом самом государстве. Все то, что в более ранних отечественных учебниках по методам называлось социальным явлением, социальной группой или социальной ситуацией — это социокультурные поля. Профессор Ильин говорит, что он заимствует концепцию социокультурного поля из социальной психологии. При этом автор книги упоминает Мишеля Фуко и рассказывает о понятии «дискурсивного поля». Но с разрабатываемой им самой концепцией социокультурного поля дискурсивное поле никак не соотносится. «Дискурсивное поле» соотносится автором с социальным полем: «в зрелой форме дискурсивное поле представляет собой разновидность социального поля» (с. 39) (определение которого В. Ильин не дает, а разновидности — не описывает).

Последнее, упоминаемое в этой небольшой главе поле, уже четвертое по счету — это индивидуально-личностное поле, оно же — ИЛП (сокращение В. Ильина). Концепция ИЛП позволяет описать «механизмы интеграции индивида в окружающую общественную среду» (с. 41). Описывать эти механизмы

необходимо, так как «в *деятельностно-конструктивистском* [курсив мой — М.С.] подходе важное место занимает проблема места и роли индивида в формировании общества и его *подсистем* [курсив мой — М.С.]» (с. 41). Индивид формирует вокруг себя ИЛП как «надындивидуальную реальность, которая в той или иной мере воздействует на среду»*. Концепция ИЛП развивается на 5 страницах, ИЛП содержит в себе 12 компонентов (компоненты начинаются со «статусных позиций» и «социальных ролей» и завершаются «габитусом»), чтобы после 46 страницы быть позабытой автором книги. Никаких других социальных мыслителей, которые использовали бы метафору «поле», автор не вспоминает.

Самому автору иногда становится тесно в рамках разработанной им концепции. Тогда он возвращается к традиционной терминологии учебников, содержащих описания методов социологии, и пишет, что целью исследования будет «выявить и качественно описать основные типы изучаемых социальных явлений» (с. 56), вместо того, чтобы написать, что целью будет выявить и качественно описать максимальное число социокультурных полей.

(3) Ряд терминов, разработанных для пояснения техник обоснованной теории. В тексте эти термины употребляются без всякой систематичности и согласованности (сложности, возникающие у читателя в процессе освоения пересказанных В. Ильиным техник обоснованной теории, описаны в рецензии чуть ниже).

(4) Советы исследователю/интервьюеру из книг по популярной психологии. Например, источником вдохновения для главы «Ситуация глубокого интервью как спектакль» послужили книги Дейла Карнеги (с. 160).

(5) Крайне интересная интерпретация концепции жизненных миров Альфреда Шютца. Особенность данной интерпретации можно увидеть, например, в том, что, если следовать за изложением концепции автором «Драматургии», можно не только понять содержание жизненного мира, но и измерить его объем и дальность распространения (с. 181–182).

(6) Блюдо приправлено такими модными специями, как «фрейм-анализ», «габитус» и «дискурс», но, добравшись до конца книги, читатель понимает, что автор успел забыть о том, что в начале он и их положил в рагу. Судьба «вброшенного» в текст, но позабытого понятия ждет: «фрейм-анализ», который появляется на странице 48, существует в тексте на протяжении двух страниц и после 49 страницы больше не встречается; «дискурсивное поле», которое появляется на странице 37, и после 41 страницы навсегда пропадает из книги; и «габитус», которому посвящен целый абзац на страницах 45–46. После прочтения книги у читателя остается вопрос: зачем же нужны были автору в данной конкретной книге фрейм-анализ, дискурсивное поле и габитус?

Трагедия категоризации и концептуализации

Вернемся к аннотации, в которой читателю обещают систематический и популярный язык книги. Язык действительно популярный, но вот систематичность

---

* Читая «Драматургию», я думала о том, что концепция ИЛП могла бы быть востребована любителями эзотерики, особенно если эта концепция будет предложена как та, что позволяет увидеть надындивидуальную реальность, которую формирует индивид для воздействия на окружающую среду.

его порой страдает, и случается это довольно часто. Погрешности в систематичности можно было бы не замечать в случае, если бы книга претендовала на жанр, отличный от учебного пособия. Но раз книга должна послужить пособием для неопитов, то такие погрешности могут привести начинающего исследователя, руководствующегося данным пособием и предпринявшего попытку внимательно проследить за логикой автора, в состояние глубокой фрустрации.

Яркие примеры отсутствия систематичности в тексте связаны с использованием терминов, заимствованных из описания инструментария обоснованной теории Ансельма Стросса и Джульет Корбин. Первый пример читатель встретит в разделе, названном «Стратегия типологического исследования». Значительная часть этого раздела посвящена формированию типологической выборки. Цель типологической стратегии — «выявить и качественно описать основные типы изучаемых социальных явлений» (с. 56). Для того чтобы получить данные, выбирают информантов для проведения интервью. «Единицей отбора выступает не индивид, а случай, ситуация. Нас интересуют не типы людей, а *типы* их поведения, *типы* [курсив мой — М.С.] влияющих на них факторов» (с. 57). Так как раздел посвящен выборке, читатель может сделать вывод, что автор в приведенной выше фразе говорит о разных типах информантов. Далее автор продолжает подробно рассказывать о выборке, и такой рассказ крайне важен и для начинающего, и для относительно опытного читателя-исследователя. Читатель узнает, что «выборка развивается по ходу исследования. На первом этапе обычно фокус делается на поиске все новых категорий, типов <... > При этом могут обнаружиться очень редкие *категории, представители которых* [курсив мой — М.С.] не в состоянии дать глубокую информацию» (с. 60). Из такого объяснения читатель понимает, что речь идет о разных категориях (или и разных типах) информантов, которые попадут в выборку.

Но буквально в следующем абзаце учебного пособия читатель (вспомним, что он может быть начинающим исследователем) обнаруживает, что «главным критерием завершения выборки является *теоретическое насыщение каждой категории*» (с. 61). Здесь читатель приходит в недоумение, так как он полагал, что речь шла о *категориях* информантов, и он сомневается в возможности процедуры теоретического *насыщения категорий* информантов. Наверное, в абзаце выше автор пособия имел в виду одни «категории», а в данном абзаце он говорит уже о других «категориях» — догадывается читатель. Чтобы подтвердить свою догадку, он заглядывает в весьма популярную и распространенную книгу Ансельма Стросса и Джульет Корбин, на которую автор ссылается, рассуждая о теоретическом насыщении категорий (Страусс, Корбин 2001). Внимательно ознакомившись с соответствующим разделом в книге «Основы качественного исследования», читатель может решить, что в абзаце, доставившем ему столько хлопот, под категорией автор имел в виду не «категию информантов», а «категию» как инструмент для анализа данных.

Целых 16 страниц книги автор посвящает анализу текстовых материалов (из них 4 страницы посвящены транскрибированию интервью и оформлению транскрипта). Главный метод анализа для автора — кодирование. Кодирование — это категоризация, «принимающая формы технически четкой операции» (с. 213). Встретив слово «категию», читатель вздрагивает, так как он успел порядком запутаться, читая о формировании выборки. Страх читателя совершенно оправдан. В следующем абзаце он узнает о том, что кодирование — это процесс,

включающий две составляющие: концептуализацию («приклеивание ярлыков к описанным явлениям») и категоризацию (разнообразную их (наверное, ярлыков, но из предложения это не очевидно, «их» может быть как ярлыками, так и явлениями) группировку (там же). Далее читатель узнает, что «мельчайшей единицей процесса кодирования является **выделение понятий**». «Этот процесс [выделение понятий — М.С.] часто называют концептуализацией данных *или* [курсив мой — М.С.] их категоризацией» (с. 213). Таким образом, понимает читатель, процесс — один, но вот только называют его по-разному. Если «категоризация» и «концептуализация» стоят в предложении через предлог «или», они должны являться синонимами. Концептуализация (она же категоризация) является выделением понятий. Тут читатель немного смущается, так как исходя из прочитанного на странице, он подумал было, что категоризация и концептуализация — две разных процедуры анализа.

Впереди читателя ждет еще больший сюрприз, так чуть ниже автор приводит определения: сначала «концептуализации данных» («разбивка текста на отдельные параграфы и присвоение каждому отдельному случаю, идее или событию названия», с. 213), а потом «категоризации данных» («процесс группировки понятий, описывающих одно достаточно крупное явление», там же). Из этих двух абзацев читатель вновь узнает, что категоризация и концептуализация, которые абзацем выше употреблялись автором как синонимы, являются все же двумя разными процедурами анализа. Недоумение читателя растет.

«... популярный язык позволяет...»

Популярный язык книги позволяет читателю сделать ряд важных открытий, к которым вряд ли бы привела его когда-либо профессиональная траектория, не попадись ему в руки «Драматургия качественного полевого исследования».

Так, именно в этой замечательной книге я нашла одно из самых интересных определений социального конструктивизма. Приведу его целиком для того, чтобы читающий рецензию смог в полной мере оценить оригинальность популярной мысли автора «Драматургии». В самом начале книги, перечисляя основные принципы, лежащие в основе той группы методов социального исследования, которую называют «качественной», под пунктом «6» автор помещает следующий принцип: **«Понимание социальной реальности как результата социального конструирования»** (с. 16). Далее он поясняет читателю свою мысль: «Смысл этого принципа состоит в том, что люди действуют осознанно, хотя и не обязательно сознательно. Иначе говоря, даже пьяный человек, валяясь в грязи, понимает, что он делает, но не понимает зачем» (с. 16).

Еще несколько поразительных фактов из теории и практики социальных исследований были обнаружены мной в главе о групповом интервью. Групповое интервью — это «наиболее дешевый способ выявления структуры участников того или иного социального процесса», утверждает на странице 224 автор. И далее продолжает «С помощью правильно организованного группового интервью можно за один день составить впечатление о структуре участников изучаемого процесса» (с. 225). Здесь я должна выразить свое искреннее восхищение. Я всегда думала, что социальные науки могут помочь понять структуру социальной общности, и была убеждена, что ни одна

фокус-группа не в состоянии выявить структуру участников, так как структурой участника фокус-группы может быть лишь его скелет. Для достижения подобной цели, казалось мне, нужна другая наука и другие методы...

Мне можно возразить, сказав, что, может быть, под участниками социального процесса автор подразумевал не просто действующих лиц-людей, которые и являются участниками фокус-группы, что участниками социального процесса могут быть социальные общности, и тогда социология может помочь в изучении структуры таких участников. Но мы читаем в главе, что фокус-группа позволяет «за короткий промежуток времени получить поверхностное представление сразу о нескольких типах участников изучаемого процесса (разумеется, если их состав был подобран правильно)» (с. 224), а участники — это «малая группа, т.е. совокупность непосредственно взаимодействующих людей, имеющих общий опыт» (с. 226). Таким образом, с помощью метода фокус-группы социологи намереваются изучить все же структуру человека. Возможно, мы наблюдаем крайне значимые для социологии как науки процессы: во-первых, появление нового исследовательского поля, во-вторых, небывалый поворот в развитии методов.

Описания разного рода структур крайне интересны для автора «Драматургии». Его интересуют не только структуры процессов, структуры участников процессов, но даже структуры методов. Так у фокус-группы есть «половая» структура: свидетельство о сделанном автором книги открытии читатель обнаружит на странице 227, где прочтет, что «половая структура фокус-группы зависит от темы».

В завершение мне хотелось бы поблагодарить автора за замечательные, яркие поясняющие примеры из исследований самого автора и его коллег, которыми наполнена книга. Они, безусловно, украшают книгу и вызывают желание познакомиться с другими работами автора. Но коль скоро «Драматургия» призвана научить техникам полевого исследования, то читатель ждет, что в подробных и, безусловно, полезных главах о наблюдении и интервью появится пример собственного полевого дневника, созданного в ходе работы над многочисленными исследованиями (или образец путеводаителя интервью, который отвечал бы всем поставленным автором требованиям к путеводаителю). Примеров в книге много, но большинство из них созданы по следующему лекалу: автор пишет о том, каким образом создавался тот или иной исследовательский инструментарий и как он выглядел, но не приводит полноценного примера такого инструментария, то есть сам путеводаитель или полевой дневник. Автор пишет о том, как следует работать, но не показывает читателю примеров такой работы.

Литература

Ковалев Е. М., Штейнберг И. Е. Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М.: Логос, 1999.

Семенова В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998.

Страусс А., Корбин Д. Основы качественного исследования: обоснованная теория. Процедуры и техники. М.: УРСС, 2001.